

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Бобко Елена Ивановна

канд. филол. наук, доцент

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

г. Саратов, Саратовская область

**К ВОПРОСУ О РОЛИ ЛИТЕРАТУРНОЙ КЛАССИКИ В НАЧАЛЕ
XX В. (ОПЫТ ДИАЛОГА О Л.Н. ТОЛСТОМ: М.А. АЛДАНОВ И А.П.
СКАФТЫМОВ)**

***Аннотация:** в статье обозначены моменты сближения и расхождения М.А. Алданова и А.П. Скафтымова в осмыслении «философии жизни» Л.Н. Толстого. Рассматривая данную «диалогическую ситуацию» как пример литературно-критической и теоретико-методологической рецепции русской литературной классики, автор статьи аргументирует мысль о ее значимости в современной социокультурной ситуации, в условиях актуализации культурной самоидентификации.*

***Ключевые слова:** литературная классика, рецепция, диалог, традиция, аксиология, Л.Н. Толстой, М.А. Алданов, А.П. Скафтымов.*

«В социокультурной ситуации рубежа XX-XXI вв. положение литературной классики радикально изменилось. Сегодняшние функции и статус этого феномена не установлены ни в рамках науки, ни в общественной саморефлексии» [9, с. 73], – констатируют современные исследователи. «В философском осмыслении феномена литературной классики очевиден конфликт теоретических подходов: классика рассматривается либо как ценность, либо как продукт политтехнологических манипуляций» [13, с. 14]; в разного рода дискуссиях, связанных с данным кругом проблем [7], тоже звучат противоположные тезисы: о том, что классика остается «незыблемой частью культурной матрицы, выполняя ряд специфических функций, которые не могут быть делегированы другим культурным

институтам» [7, с. 25], – с одной стороны, о редуцированной до предела, практически нивелированной роли литературной классики в жизни современного общества – с другой. Не только «разброд и хаос» современной литературы, но и характерное для общего и индивидуального сознания ощущение «бытийного вакуума» многие писатели, ученые, критики обуславливают назревшей необходимостью культурной самоидентификации, центром которой является именно литературная классика, воссоздающая «состояние подлинного пребывания в мире», задающая «свою меру всеобщего, его контекст и тем выводящая из тупика частного» [1, с. 41].

В условиях ценностного кризиса и поиска общечеловеческой аксиологии в проблемном мире [15], на наш взгляд, особую актуальность для современной науки приобретает опыт литературно-критического и академического литературоведческого осмысления литературной классики, сложившийся в первой половине XX в., – также в период «аксиоматического безвременья» [9, с. 71] «революционизации всех догм, всех привычек мышления» [2, с. 451], вызванной новым катастрофическим опытом общего и частного существования.

Показательными в этом плане представляются моменты сходства и расхождения рецепции творчества Л.Н. Толстого, центральной фигуры литературного пантеона России, «творчество которого и в начале XXI в. остается безусловным фактором отечественной духовной культуры» [4, с. 116], в произведениях М.А. Алданова, одного из самых известных писателей русской эмиграции (литературно-критический трактат «Толстой и Роллан» (1915), книга «Загадка Толстого» (1923), статья «О Толстом» (1938); философско-публицистические книги «Армагеддон» (1919) и «Ульмская ночь. Философия случая» (1953), в которых автор обращается либо непосредственно к творчеству Толстого, либо к его традициям, к вопросу о влиянии великого классика на мышление и сознание XX в.), и исследованиях А.П. Скафтымова, «лидера вузовской литературоведческой педагогики» [18], доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русской литературы в Саратовской государственном университете (1923–1931; 1944–1951) и Саратовском пединституте (1932–1944) (статьи «Диалектика

в рисунке Л. Толстого» / «Идеи и формы в творчестве Л. Толстого» (1929), «О психологизме в творчестве Стендаля и Л. Толстого» (1930), включенные в книгу «Статьи о русской литературе» (1958), работа «Образ Кутузова и философия истории в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» (1945; 1959), опубликованная в сборнике «Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования русских классиков» (1972), вошедшие в «золотой фонд» историков и теоретиков литературы [5, с. 222]).

Кроме особого значения для М.А. Алданова и А.П. Скафтымова личности и творчества Л.Н. Толстого, еще одно обстоятельство, делающее рассмотрение такой «диалогической ситуации» [12, с. 172] возможным и интересным (при безусловном различии «регулирующих и конструирующих начал» [16, с. 172], определяющих установки Алданова и Скафтымова), – принадлежность к одному поколению людей, родившихся в 80–90-е гг. XIX в. и обладающих, по замечанию М. Чудаковой, «помимо своей талантливости, очень большим и ставшим постепенно уникальным запасом обще-гуманитарных знаний» [19].

Специфика данной «диалогической ситуации» – в ее полемической природе. Справедливо утверждать, например, что алдановское прочтение произведений Толстого имеет своей целью «овладение объектом в его подлинной реальности» [16, с. 31], для чего используются приемы, учитывающие взаимосвязь «идей» и «форм», что основополагающе и для Скафтымова. Однако при сходстве путей анализа и аргументов исходное понимание толстовской «философии жизни», природы толстовского творчества у Алданова и Скафтымова различно.

Согласно трактовке Алданова «загадка Толстого» заключается в «коренном дуализме» Толстого-художника и Толстого-мыслителя. Структуру образа великого писателя в книге «Загадка Толстого», по наблюдению О. Лагашиной, образуют антитетические пары мыслитель – художник, рационалист – иррационалист, ученый – противник науки, религиозный проповедник – атеист: «Алданов деконструирует целостный толстовский образ, применяя этот прием ко всем областям толстовской деятельности» [11].

Споря с Толстым-мыслителем, автор книги утверждает вневременную значимость открытий Толстого-художника, пишет о божественной природе толстовского гения, воспринимая созданную им эстетическую реальность как часть объективной действительности.

«Я никогда не навязывал автору никакой «философии», – подчеркивал Скафтымов. – О философствующей мысли всегда говорилось лишь изнутри ... Я старался сказать о произведении только то, что оно само сказало» [8]. В его работах опровержение концепции «двух Толстых» является одним из главных исследовательских заданий, «тонкий анализ» [5, с. 224] – всегда аргументация мысли ученого о формально-содержательном единстве, идейно-художественной целостности толстовского текста, который рассматривается как телеологически оформленный объект. На первый план выходит выявление его внутренней целесообразности, действенной логики в данном задании и применении. «Формирующий замысел автора» [16, с. 79] в произведениях Толстого, по Скафтымову, обусловлен «постоянной переоценкой этических ценностей, поиском прочных опор в моральном самоопределении» [17, с. 269]. Алданов, напротив, убежден, что категорическому императиву моралиста, «в его строжайшей, нечеловеческой форме» [3, с. 32], противоречат «дивные книги», воплощающие видение мира и человека в их противоречивой сложности, присущее художнику, наделенному «универсально-анархическим умом»: «...очень часто скользящие в них настроения странным блеском отсвечивают на том догматическом здании, которое тридцать лет упорно воздвигалось» [3, с. 20] Толстым-догматиком.

Алданов и Скафтымов, стремясь аргументировать собственные взгляды о «коренном дуализме» Толстого / о взаимосвязи идей и форм в его творчестве, обращаются к художественной философии истории в романе-эпопее «Война и мир». Комплекс наиболее актуальных для них историко-философских вопросов является общим: «многопричинность исторических событий, роль исторических деятелей, природа власти, свобода и необходимость, сознательное и бессознательное в поведении людей, цели и результаты их деяний, ... пределы сознательного и бессознательного в «великих» людях» [17, с. 500].

При этом Алданов (не только в литературно-критических, философско-публицистических, но и в художественных произведениях) ведет спор с историософией Толстого, его метаисторическим, провиденциальным видением истории, «моральным императивом» как онтологической и гносеологической категорией, понятием «исторически значимого», трактовкой роли личности и массовых процессов, проблемы детерминизма/индетерминизма в историческом процессе. В противовес художественной историософии Толстого, центром которой являются вопросы исторической онтологии, в «философии Случая» агностика Алданова, базирующейся на принципе универсального сомнения, определяющую роль играют проблемы исторического познания. В статье Скафтымова «Образ Кутузова и философия истории в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» тоже звучит тезис о теоретической ошибочности философско-исторической концепции автора: «Толстой не хотел называть себя «фаталистом», но по принятому основному принципу неизбежно им оказывался. В этом состоит главный идейный порок исторической теории Толстого» [17, с. 501], но акценты перенесены на «философско-историческую традицию, которая могла повлиять на Толстого» [17, с. 502], трактовку проблемы личности в истории (ее исследователь называет главной для автора «Войны и мира»), механизм исторического процесса. По мысли ученого, «Толстой не касается самого содержания ведущих целей «провидения»; он стремится лишь подчеркнуть независимость выполнения этих целей от намерений людей и подчиненность всех событий некоторым общим тенденциям, выходящим за пределы людских сознательных побуждений» [17, с. 500].

Алданов, для которого авторитет Толстого в изображении внутреннего мира человека непререкаем, безусловно, согласился бы с утверждением Скафтымова о том, что в области психологического рисунка «оригинальность и художественная сила Толстого выступают с наибольшей очевидностью» [17, с. 264]. Но если Скафтымов рассматривает «текучесть» человека у Толстого через идею истинности и победы этического начала, то Алданов акцентирует в толстовском психологизме проблематизацию морального императива: «Мы не можем проникнуть в тайны того, что составляет природу нервной силы, и не имеем никакого

права подставлять под этот икс наши этические схемы, как бы они ни казались нам убедительными» [3, с. 78].

Однако позиции Алданова и Скафтымова все же нельзя назвать только полемическими. Так, алдановскому заявлению о нарушении Толстым «прав исторического романиста» явно противоречит идея Скафтымова о последовательном выражении авторской концепции в «художественной конкретности и в обобщенных теоретических суждениях» [17, с. 516] как жанровом новаторстве «Войны и мира», но – подчеркнем – именно опыт романа философии истории как синтетической жанровой формы, организующим началом которой является философско-историческая концепция автора, сам Алданов «ассимилирует» из наследия великого предшественника. Магистральная идея о «двойственности» Толстого сочетается в литературно-критических произведениях Алданова с установкой на идентичность интерпретации художественного текста; он, говоря словами Скафтымова, «не узаконивает» своего постижения «загадки» великого писателя. В статье 1938 г. Алданов сформулирует вывод относительно попыток «систематизировать» Толстого: «...в систему его не приведешь. Он и слишком огромен, и слишком изменчив» [3, с. 468].

Наличие не только расхождений, но и сближений во взглядах Алданова и Скафтымова обнаруживает и то обстоятельство, что статьи ученого оказываются продуктивными – как терминологически, так и методологически – для определения специфики преемственности Толстой – Алданов. Принципы рассмотрения произведений Толстого как эстетического феномена, предложенные Скафтымовым, его методология синтеза имманентного и сравнительного анализа плодотворны в исследовании романного творчества Алданова через призму переосмысления писателем толстовских традиций, поскольку позволяют вести такой анализ во взаимосвязи концептуального и художественного уровней, видеть сложную природу преемственности – в аспектах несовпадения авторских деклараций и художественной практики, в свою очередь как «диалог» с Л.Н. Толстым, включающий в себя спор, полемику / вопрошание, аксиологическую перепроверку, переосмысление / ученичество.

Алданов – прозаик, публицист, литературный критик – в «книге итогов» «Ульмская ночь. Философия Случая» утверждает, что катастрофический опыт XX в., ставя под сомнение «явные» философско-исторические идеи Толстого, актуализирует вопрос о нравственном самоопределении личности, которое невозможно без обращения к культуре (особенно – классической русской литературе), в которой происходят сближение идей случая и борьбы с ним и аксиологической триады «Истина – Красота – Добро», синтез гносеологического, эстетического и этического начал. «Пафос духовно-нравственных исканий, пафос познания жизни» [17, с. 11] в произведениях русских классиков играл первоочередную роль и для Скафтымова – исследователя, решающего теоретические вопросы общенаучной методологии. По-разному «вписываясь» в процесс осмысления толстовского наследия, который невозможно рассмотреть в границах «pro et contra», М.А. Алданов и А.П. Скафтымов считали, что восприятие эстетического, философского, духовного опыта русской классической литературы – необходимое условие становления культурной и научной парадигмы XX в. Отметим и еще один момент их близости в «диалоге» о Л.Н. Толстом, не менее важный в аспекте изучения роли литературной классики в начале XXI столетия как приоритетного направления развития образования и науки, относящийся к магистральной для Толстого «желанной и постоянной мысли о натуральной укорененности «должного» [17, с. 275]: по воспоминаниям современников, М.А. Алданова и А.П. Скафтымова отличали высокие человеческие качества, свойства, присущие «благородно строгой личности» [14].

Список литературы

1. Аверинцев, С.С. Ритм как теодицея [Текст] / С.С. Аверинцев // Связь времен. – К.: Дух и Літера, 2005. – С. 36–49.
2. Алданов, М.А. Армагеддон. Из записной книжки [Текст] / М.А. Алданов // Самоубийство: Роман. Армагеддон: Из записной книжки. Исторические портреты и очерки. – М.: ТЕРРА, 1995. – 702 с.
3. Алданов, М.А. Загадка Толстого [Текст] / М.А. Алданов // Сочинения: в 6 кн. – М.: АО Изд-во «Новости», 1996. – Кн. 6. Ульмская ночь. С. 19–40.

4. Волохова, Н.В. Кризис творчества Л.Н. Толстого в парадигме современной культурной ситуации [Текст] / Н.В. Волохова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 14 (229). Политические науки. – Вып. 10. – С. 116–121.

5. Гинзбург, Л. Актуальная книга о русских классиках [Текст] / Л. Гинзбург // Вопросы литературы. – 1959. – № 11. – С. 221–226. – Рец. на кн.: Статьи о русской литературе / А.П. Скафтымов. – Саратов, 1958.

6. Другие истории литературы // Новое литературное обозрение. – М., 2003. – № 59.

7. Загидуллина, М.В. Классические литературные феномены как историко-функциональная проблема (творчество А.С. Пушкина в рецептивном аспекте) [Текст]: дис. ... д-ра фил. наук / М.В. Загидуллина. – Екатеринбург, 2002. – 502 с.

8. Из переписки А.П. Скафтымова и Ю.Г. Оксмана / Предисл., сост. и подг. текстов А.А. Жук, публ. В.В. Прозорова // Александр Павлович Скафтымов в русской литературной науке и культуре: Статьи, публикации, воспоминания, материалы. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. – С. 272–273.

9. Казаков, А.А. Литературная классика в ситуации рассмотрения электронных форм бытования литературы: проблемы филологического образования [Текст] / А.А. Казаков // Гоголь и время: сб. ст. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. (Русская классика: исследования и материалы. Вып. 2). – С. 73–75.

10. Коллекция книг и эпистолярный архив А.П. Скафтымова в фондах Зональной научной библиотеки Саратовского университета [Текст] / Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; ред. В.А. Артисевич [и др.] – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1981. – 95 с.

11. Лагашина, О. Марк Алданов и Лев Толстой: к проблеме рецепции [Текст] / О. Лагашина: [Электронный ресурс] / Режим доступа: [e – ait.tlulib.ee/31/1/лагашина_олеся1.pdf](http://e-ait.tlulib.ee/31/1/лагашина_олеся1.pdf).

12. Лотман, М.Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семио-сфера – история [Текст] / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

13. Михайлова, М. Корабль Энея: классика в современной культуре / М. Михайлова // Текст и традиция: альм. / Институт русской литературы (Пушкинский Дом), Рос. акад. наук, Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная поляна». – СПб.: Росток, 2013. – С. 11–37.
14. Партис, З. Марк Алданов [Текст] / З. Партис // [Электронный ресурс] / Режим доступа: [magazines. russ.ru>Слово>2007/54/па11.html](http://magazines.russ.ru/Слово/2007/54/па11.html).
15. Розов, Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии [Текст] / Н.С. Розов. – Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. – 292 с.
16. Скафтымов, А.О телеологическом принципе [Текст] / А. Скафтымов // Вавилон: Вестник молодой литературы. – М.: ВГФ им. Пушкина, 1992. – Вып. 1 (17). – С. 79–80.
17. Скафтымов, А.П. Поэтика художественного произведения / А.П. Скафтымов – М.: Высш. шк., 2007. – 536 с.
18. Хализев, В.Е. Отечественное литературоведение в эпоху господства марксизма-ленинизма (1930–1980-е годы) [Текст] / В.Е. Хализев // [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://russian-literature.com/ru/research>.
19. Чудакова, М. Обвал поколений [Текст] / М. Чудакова // [Электронный ресурс] / Режим доступа: [magazines. russ.ru>НЛО>2006/77/chu20.html](http://magazines.russ.ru/НЛО/2006/77/chu20.html).